

змея («Некий царь сведе дщерь свою змею»), и аллегорический бой орла со змеем, открывающий Повесть Нестора Искандера о взятии Царьграда турками («Бысть видение сие в Царьграде»), и Соловей-разбойник, и бой Бовы с Полканом. Сюда же следует отнести изображения грифа и льва около города василиска, по-видимому иллюстрирующих популярную в XVII в. на Руси Повесть о Брунцвике. Встречается на зеленых изразцах и бытовая сценка — схватка двух борцов, сюжет, позднее широко известный в забавных лубочных листах XVIII в.¹⁵

Большинство этих сюжетов, кроме фриза церкви Троицы в Костроме, известны также в муравленых изразцах, украшающих постройки Мурома, Иосифо-Волоколамского монастыря, Боголюбова близ Владимира. К их числу относятся изображения, связанные с повестью о Бове.

М. Г. Рабинович описал изразец XVII в. (обломок, левая верхняя четвертинка изразца), найденный при раскопках Н. Н. Воронина в 1937 г. в шатре кивория в Боголюбове: «Здесь изображен воин без шапки, с поднятой саблей в правой руке. Надпись вверху гласит: „Бова“». ¹⁶ Какой-то изразец с аналогичной надписью упомянули бегло Н. В. Воронов и И. Г. Сахарова при описании московских муравленых сюжетных изразцов, употребленных в наружном декоре Мироносицкой (Воскресенской) башни и надвратной Петропавловской церкви в Иосифо-Волоколамском монастыре.¹⁷

Издавая изображения сюжетных муравленых изразцов фриза церкви Троицы в Костроме, Р. Л. Розенфельдт справедливо отметил, что некоторые из них, в том числе — бой Бовы с Полканом — несходны с позднейшей лубочной иконографией, в то время как другие изображения в лубочных листах (например, Александр Македонский на коне) «буквально являются копиями своих изразцовых прототипов».¹⁸

Конечно, высоко расположенный изразцовый фриз на фасаде храма был лишь ярким цветным пятном. Но несомненно, что те же сюжетные изразцы в муравленых печах XVII в. составляли интересную часть интерьера богатого жилища. Гости могли их рассматривать в комнате, как теперь рассматривают картины или эстампы. Сюжетные изразцы помогают судить о массовом распространении популярных агиографических легенд, исторических и переводных повестей.

Попробуем продолжить анализ изображения боя Бовы с Полканом на зеленых изразцах, начатый Р. Л. Розенфельдтом, попытаемся уяснить соотношение трактовки этого сюжета на изразцах с литературной историей Повести о Бове на Руси, которая была предметом специального историко-литературного исследования.¹⁹

Вот как комментирует это изображение Р. Л. Розенфельдт: «Бова стоит слева в коротком подпоясанном кафтане. Левой рукой он держит Полкана за пояс, в правой, поднятой кверху, руке — сабля. Она кривая и короткая, с прямым перекрестьем, такая, какие были на вооружении

¹⁵ См.: Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. I. СПб., 1881, №№ 199—201.

¹⁶ М. Г. Рабинович, стр. 89. О производстве изразцов во Владимире, см А. И. Иванов. Забытое производство Владимир, 1930, стр. 48—50; Н. Н. Воронин. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков, т. I, XII столетие. М., 1961, стр. 532, прим. 174.

¹⁷ См.: Н. В. Воронов и И. Г. Сахарова. О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 44, М., 1955, стр. 82.

¹⁸ Р. Л. Розенфельдт, стр. 257 и 259.

¹⁹ См.: В. Д. Кузьмина. Рыцарский роман на Руси, Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964. (Далее: В. Д. Кузьмина).